

СЕКЦИЯ «ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА И ДИПЛОМАТИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ»

ЕС И УРЕГУЛИРОВАНИЕ ЛОКАЛЬНЫХ КОНФЛИКТОВ В 1990-е гг.

Авласенко И. М., Белорусский государственный университет

Окончание «холодной войны» ознаменовалось ростом количества локальных конфликтов в мире. Примерно в то же время, в начале 1990-х гг. эволюция Европейского Сообщества вышла на качественно новый уровень — произошло образование Европейского союза, одним из «столпов» которого стала общеевропейская политика безопасности и обороны (ОПБО). Таким образом, задача урегулирования локальных и региональных кризисов стала серьезной проверкой ЕС на роль авторитетного центра силы и влияния в мировой политике.

В первой половине 1990-х гг. наиболее острыми вызовами для ОВПБО ЕС стали кувейтский кризис (1990—1991 гг.), гражданская война в Югославии (1991—1995 гг.) и палестино-израильский конфликт. Сравнивая кризисы в Персидском заливе и на территории Югославии, следует отметить, что в Европейском Сообществе столкнулись с различными правовыми явлениями. Оккупация Кувейта Ираком однозначно рассматривалась как нарушение норм международного права, в связи с чем последовало незамедлительное осуждение данной акции со стороны ЕС и экономические санкции несколькими днями позже. Что касается ситуации в Югославии, то здесь государства ЕС оказались перед выбором, из какого принципа следует исходить при построении дальнейшего общего курса: принципа территориальной целостности государства либо права нации на самоопределение. Европейское Сообщество в этом плане, по сути, оказалось расколото. Великобритания и Франция считали, что необходимо отталкиваться от первого положения, а ФРГ — от второго. Итогом данной коллизии стала и определенная заминка с озвучиванием общеевропейской позиции в отношении югославской проблемы, и особая позиция Германии полгода спустя, когда она решилась в одностороннем порядке признать суверенитет Словении и Хорватии.

Но если формулировку общеевропейской позиции по отдельным локальным конфликтам все же удавалось согласовывать, то гораздо более острые проблемы возникали тогда, когда необходимо было прийти к консенсусу насчет мер по их урегулированию. Как правило, государства — члены ЕС приходили к соглашению о направлении специальной миссии посредников для организации переговоров между конфликтующими сторонами. Однако когда речь заходила о более жестких мерах, в том числе военного характера, то нередко к общему мнению прийти не удавалось.

Посреднические усилия ЕС также далеко не всегда приносили успех. Причины были разные. Так, ряд инициатив ЕС по урегулированию конфликта в Боснии (Каррингтона-Кутилейро, Вэнса-Оуэна) был одобрен лидерами всех трех конфликтующих сторон. Однако каждый раз ратификация соглашения срывалась в самый последний момент. Сравнивая эти попытки с Дейтонским процессом, можно утверждать, что в таких случаях простого посредничества было недостаточно, а было необходимо еще и определенное давление на участников переговоров, что и предприняли Соединенные Штаты в 1995 г. Если говорить о палестинской проблеме, то попытки ЕС выступить в качестве посредника едва ли можно назвать успешными, поскольку европейцы не пользовались таким же доверием у израильтян, как Соединенные Штаты, из-за своей проарабской позиции. Попытка организовать посредническую миссию в Ирак в ходе конфликта в Персидском заливе в начале 1991 г. можно рассматривать как бесперспективную, поскольку даже если бы она состоялась, то послужила лишь предлогом для оттягивания времени со стороны иракского пре-

зидента. В целом можно сказать, что Европейскому сообществу не хватало твердости и настойчивости в выполнении собственных задач по урегулированию отдельных конфликтов.

Говоря о жестких мерах, в том числе военного характера, следует отметить еще более очевидные проблемы. Во-первых, европейские государства вовсе не желали посылать существенные армейские контингенты для урегулирования затяжных конфликтов, опасаясь острой реакции общественности. Во-вторых, окончание «холодной войны» и экономические проблемы в 1990-е гг. заставляли европейские правительства сокращать расходы на оборону. В-третьих, между членами ЕС существовали значительные разногласия по институциональным аспектам такой операции. Как показала практика, ряд государств атлантической ориентации (прежде всего Великобритания) выступал против широкого мандата Западноевропейского союза на проведение такого рода операций. Что же касается привлечения НАТО, то, во-первых, данная организация находилась в поиске новой цели и смысла своего существования в постбиполярном мире, а во-вторых, привлечение американцев лишило бы всякого смысла европейский характер миссии. Действительно, в реальности вооруженное вмешательство европейских государств в кувейтский и боснийский кризисы происходило в рамках многонациональной коалиции (в первом случае) либо НАТО (во втором).

Таким образом, в первой половине 1990-х гг. Европейское сообщество не смогло продемонстрировать потенциал, достаточный для урегулирования ряда рассмотренных локальных конфликтов. Во время косовского кризиса в 1998—1999 гг. ключевую роль отыгрывал уже Североатлантический альянс. В споре между атлантистами и европейцами была одержана победа первых. Тем не менее, этот югославский кризис, обнажив наиболее слабые места общеевропейской политики безопасности и обороны, одновременно дал и толчок дискуссиям о перспективах ее развития. Заключение соглашения в Сан-Мало между Францией и Великобританией в конце 1998 года открыло дверь к началу институционализации ОПБО.

ВЛИЯНИЕ ОЦЕНОК ОБЕСПЕЧЕННОСТИ РОССИИ УГЛЕВОДОРОДНЫМИ РЕСУРСАМИ НА ЕЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ С ЕС В ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ СФЕРЕ

Акуленко Р. Л., Белорусский государственный университет

Характерной особенностью сотрудничества Российской Федерации с ЕС в области энергетики в начале XXI в. стало все более заметное воздействие на этот процесс оценка обеспеченности России запасами углеводородного сырья, которые подразумевали определение соотношения между величиной этих природных ресурсов и объемов их использования, в том числе и для экспорта в европейские страны.

Особую обеспокоенность российской стороны вызывали сомнения представителей руководства и экспертных кругов стран — участниц ЕС в способности России обеспечить заявленные поставки углеводородов в Европу на фоне ее серьезной зависимости от поставок российских энергоносителей. Об этом, в частности, с середины 2000-х гг. неоднократно заявляла канцлер ФРГ А. Меркель. Она призывала Россию четко выполнять свои обязательства перед Германией и другими странами — членами ЕС, поддерживая свою репутацию ответственного поставщика энергоресурсов.

Вместе с тем, определенные сомнения относительно возможностей Российской Федерации обеспечить такие поставки высказали эксперты Немецкого института экономических исследований (ДИВ). Они полагали, что энергетический сектор России, который явился основным столпом для стремительного роста ее национальной экономики в начале 2000-х гг., движется к кризису. В связи с этим немецкие исследователи преду-